

Происхождение языка

УДК 81

Мосенкис Ю. Л.

ОБЩЕМИРОВОЙ ПРАЯЗЫК: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Рассмотрены история и некоторые лексические свидетельства теории общего происхождения языков мира.

Ключевые слова: происхождение языка, сравнительное языкознание, моногенез.

От древних мифов до современности

Мифология

Языкознание, как и другие науки, зарождалось в недрах мифологии. В мифах и легендах разных континентов можно найти любопытные сюжеты не только о языке вообще, но и, в частности, о происхождении языка, причины многоязычия людей. Известна эстонская сказка о возникновении различных человеческих языков из тех звуков, которые слышались во время кипения воды в волшебном котле [18, с. 3–4]. Есть легенда о появлении многоязычия в Дагестане: Бог развозил на арбе языки для разных народов, а в горах арба перевернулась и языки рассыпались [4, с. 331–332]. Записаны и другие подобные легенды, например, североамериканская [27, с. 80], австралийская [20, с. 7].

Среди легенд, в которых речь идет о первоначальной общности человеческого языка, древнейшей по времени фиксации является шумерская. В сказании «Энмеркар и правитель Аратты» говорится, что вся Вселенная, все народы славили бога Энлиля на одном языке [14, с. 252].

Подобный сюжет встречаем в Библии. Там сказано, что вся земля говорила на одном языке. Но затем люди, двигаясь с Востока, в краю Шиннар (Сеннар, Шумер) нашли равнину и поселились там. Решив построить город и башню до неба, они прогневали Бога, который смешал их язык, и люди перестали понимать друг друга (Бытие 11: 1–9).

Известен ряд легенд, независимых от библейского текста, в которых описана утрата людьми всеобщего языкового единства. Например, Дж. Дж. Фрэнгер приводит греческую, восточноафриканскую, индийскую, калифорнийскую индейскую легенды [28, с. 168–169]. К примеру, в египетско-греческой легенде эллинистического периода создание разноязычия (в противоположность ранее бывшему единоязычию) приписывается Тоту-Гермесу.

Учения Древнего Востока

Древние египтяне пытались осмыслить природу отличий между языками и процесс изучения чужого языка. Они считали: чтобы научиться другому языку, достаточно просто изменить положение языка во рту [11, с. 8]. Была даже сделана дерзкая попытка определить первобытный, природный язык человека экспериментальным путем. Как рассказывает Геродот, фараон Псамметих I (VII век до н. э.) решил проверить, действительно ли, по рассказам, египтяне являются самым древним народом мира. Он задумал опытным путем выяснить, на каком языке заговорят дети, которых от рождения не учили никакому языку. По окончании эксперимента выяснилось, что дети произносили слово *бекос*, которое, как установили, во фригийском языке (древняя Малая Азия, современная Турция) означало «хлеб». С тех пор Псамметих и все египтяне стали считать самым древним народом фригийцев, так как именно их язык не требует обучения. На самом деле дети, которые росли вместе с козами под присмотром немого пастуха, просто научились повторять голос коз, попросту говоря блеять. (Подобные эксперименты проводились разными властителями и позже [7, с. 15–19]).

Поискам природного, врожденного языка должно было предшествовать представление о существовании этого языка. В данном случае таким языком признается один из живых к тому времени языков — вопрос для «экспериментаторов» состоит лишь в том, какой именно. Идея отличия «природного» первобытного языка от реально существующих, «исторических» языков была близка древнекитайским и древнегреческим исследователям «правильности имен», позже была забыта (утонула в средневековых спорах о том, какой именно язык из тогда известных является языком первых людей) и позже возрождена лишь Г. В. Лейбницем. Близкая к поискам «природного» языка идея о том, что «варвары» сохраняют в первобытной чистоте то, от чего уже ушли греки и римляне, была популярной в античных учениях.

Древнеиндийские языковеды уделяли внимание прежде всего конкретным вопросам изучения фонетики, грамматики, лексики языка священных Вед (ведического), языка эпоса — «Махабхараты» и «Рамаяны» (санскрита), более поздних пракритов. Они постулировали, что санскрит является божественным правильным языком, и смотрели на него как на канон. Филология возникала именно с целью сохранения и комментирования канонических текстов на священном языке. Таким образом, древние индусы не искали первый язык, как древние египтяне, а постулировали его существование в виде санскрита как аксиому, не требующую специальных доказательств. Подобным путем пошли почитатели Библии (Ветхого Завета) и Корана, постулировав соответственно в качестве первичных языки этих памятников.

Языкознание древнего Китая привлекает особое внимание прежде всего тем, что оно изучало язык изолирующего типа (один слог зачастую равнялся целому слову) с идеографическим письмом (один знак передавал целое понятие). Можно предположить связь очень важной для древнекитайского языкознания проблемы соответствия слов и вещей друг другу с проблемой соответствия звуковой формы слова и его иероглифического написания. Подобно этому греческое атомистическое учение связывают с наличием у греков алфавита. (Мысль о связи философских учений с языком их создателей высказывал Н. Я. Марр).

Древнекитайские ученые ставили задачу исследовать правила соотношения между «именами» (словами) и действительностью [8, т. 2, с. 94]. Лао-цзы, Кун Фу-цзы (Конфуций), Мо-цзы и его ученики (которых принято называть моистами) считали, что имена вещей (слова, названия) играют огромную роль в установлении в мире надлежащего порядка, призывали к исправлению имен вещей и явлений, приведению их в соответствие со свойствами самих вещей. Возможно, с этой традицией связано выражение «называть вещи своими именами».

Проблема связи «имен» с действительностью является, в современных научных терминах, проблемой мотивированности языкового знака (названия вещей условны или глубинно соответствуют природе вещей?). Последняя проблема, в свою очередь, тесно связана с вопросом об общем происхождении языков мира: если слова соответствуют природе вещей, а природа вещей едина для всего мира, то в основе всех языков должен лежать один древнейший. Поэтому совершенно естественно, что в наше время процесс признания теории общего происхождения языков мира протекает параллельно с признанием первичной мотивированности (связи с природой вещей) языкового знака.

Учения Древней Греции и Рима

Античное языкознание отличается высоким уровнем развития как в теоретическом плане, так и в аспекте сведений о конкретных языках. Так, например, Геродоту известно о существовании десятков разных языков мира — от бушмено-готтентотских до индийских. Он же оценивает языки на предмет их схожести / несхожести и степени такой схожести.

Тот факт, что в Древнем Китае и Древней Греции почти одновременно начали изучать проблему связи явлений и их названий, наталкивает на мысль о контакте (о поразительном параллелизме идей греческой философии, с одной стороны, и индийской и китайской, с другой, не раз писали исследователи). Это трудно согласовать с тем, что, например, Геродот ничего о Китае не знает: он считает, что за Индией пролегает сплошная пустыня. Но в настоящее время накоплены свидетельства в пользу доисторических культурных контактов Китая и Запада.

Древнегреческая дискуссия между сторонниками двух теорий происхождения языка — природной («фюсей») и договорной («тесей») — имеет прямое отношение к проблеме общего происхождения языков. Природное происхождение языка означает единое, общее происхождение языков мира ввиду общности и внутренней природы человека, и внешнего природного окружения. Вспомним высказывание Платона о том, что определенная правильность имен является врожденной и для эллинов, и для варваров, причем для всех одна и та же [22, т. 1, с. 415]. Договорное же происхождение языка, естественно, означает первичную множественность языков, так как в разных местах люди устанавливали разные названия предметов и явлений. Однако сторонники договорного возникновения языка (появления слов «по установлению»), например Демокрит, все же признавали существование первичных слов природного происхождения — и, таким образом, не расходились со своими научными противниками во взглядах на природные корни человеческого языка. Пифагор также подчеркивал, что образовывать имена вещей и явлений может не всякий, кому вздумается, а лишь тот, кто видит разум и слово сущего [1, т. 1, ч. 1, с. 345].

Предметом внимания многих философов и лингвистов часто оказывается диалог Платона «Кратил» — первое из известных произведений о теории языка вообще и о значении отдельных звуков в частности, а также о происхождении слов. Автор (чаще всего в лице своего учителя Сократа) рассматривает взгляды сторонников природной и договорной теорий и проводит компромиссный взгляд на происхождение языка: слова появляются по установлению, но установление осуществляется соответственно природе. По мнению Платона, законодатель должен уметь воплощать в звуках и слогах имя (имя вещи или явления, то есть слово), причем то же, которое предназначено от природы [22, т. 1, с. 424]. Как считает Платон, имена у вещей от природы, но не всякий — мастер имен, а лишь тот, кто обращает внимание на определенное для каждой вещи природой имя и может воплотить этот образ в буквах (имеется в виду — в звуках) и слогах [22, т. 1, с. 425]. Это по существу природная теория, слегка прикрытая фиговым листком теории договорной.

Однако Платон рассматривает проблему значительно глубже своих предшественников. Он стремится осмыслить причины существования именно таких, а не других слов — «имен».

Значительное внимание уделяли языку стоики. Они были сторонниками теории природного происхождения языка, считали, что в языке есть первичные слова — звукоподражательные, а все остальные — производные от первых [11, с. 186]. Стоики наметили два возможных пути происхождения первичных слов — непосредственное звукоподражание (звуком передается звук) и символическое подражание (звуками передаются незвуковые ощущения) [11, с. 238–239].

Естественное происхождение языка отстаивает Лукреций, утверждая, что природа вынудила человека произносить звуки, а необходимость подыскала названия вещам; мудреца, который научил человека говорить, по мнению Лукреция, не существовало.

Таким образом, в мировой мифологии, древневосточной и античной мысли выработались как минимум три подхода к изучению языка вообще и его происхождения в частности. Первый подход — абстрактно-созерцательный — прошел эволюцию от образно-мифологического осмысления языковых явлений через религиозно-аксиоматическое постулирование к философско-логическому толкованию. Три названных этапа соотносятся с тремя периодами существования теоретического языкознания до его выделения в самостоятельную науку — в рамках мифологии, религии и философии. Второй подход — эксперимент. Он не получил признания как научный, однако свидетельствует о понимании связи между проблемами происхождения человеческого языка и детской речью. Третий подход — «звукоэтимологический», в рамках которого, несмотря на всю фантастичность конкретных реализаций, зарождались лингвистические науки — о значении отдельных звуков (фоносемантика) и о происхождении слов (этимология).

Средневековье, Возрождение, Просвещение

Западноевропейское Средневековье в культурном отношении представляло собой кардинальное переосмысление (в значительной мере — забвение) античных идей на основе Священного Писания. Поиски средневековыми схоластами «языка Адама» с точки зрения современной научной системы координат не имеют сколь-нибудь значительного веса. Более плодотворными следует считать попытки развития античных идей. Так, Климент Александрийский считал, что наречия первобытные и исходные — суть наречия народов, которые эллины называют варварскими. В названиях предметов у них выявляется сама их сущность, природа [12, с. 179]. Это — звено между древнегреческой идеей природности языка и мнением лингвистов и философов нового времени об общем процессе отдаления языка от природы. Природное же происхождение языка, как не раз было подчеркнуто, означает единое его происхождение.

Интересно отметить, что в ходе философско-теологической дискуссии «номиналистов» (которые считали общие понятия простыми названиями и отрицали участие Бога в создании языка) и «реалистов» (которые считали общие понятия и названия созданными Богом, независимыми от человеческого ума, хоть у доступными изменениям со стороны человека) выяснилось, что и те и другие сходились во мнении об «отприродности» языка (подробнее об этом [23, с. 380, 386–387]).

Исследователи утверждают, что вся область европейской философии языка, вся лингвистическая традиция от трактата Данте «О народном красноречии» до «Грамматики» и «Логики» Пор-Руайяля, до философии языка Декарта и Лейбница строится в большей степени на критическом осмыслении идей средневековых теологов, чем на изучении античных философов [12, с. 157]. Однако связь с античностью языковедческих идей Данте и тем более Лейбница не следует недооценивать. Так, видим значительное подобие формулировок идеи языковых изменений у Данте («Божественная комедия», «Рай», песнь 26, строки 124–138) и у Горация («Послание к Пизонам»). Г. В. Лейбниц, наряду с поисками первичного языка, утверждал античную идею отприродности языка.

Уже Данте в цитированном выше месте «Божественной комедии» утверждает, что первый язык исчез задолго до Вавилонского столпотворения (следовательно, его не нужно искать среди известных позже языков).

Лейбниц, наряду с огромными философскими и математическими заслугами, отличался удивительным лингвистическим чутьем. Так, например, он предполагал родство индоевропейских, уральских, алтайских, афразийских и кавказских языков [15, с. 281–282, 287], чем на двести лет опередил создателей «ностратической теории» (Х. Педерсена, В. М. Иллич-Свитыча и др.). Философ стоял на том, что первый язык — «лингва адамика» — не тождествен позднейшим языкам, и это было значительным шагом вперед по сравнению со средневековыми «доказательствами» того, что какой-то из исторических языков был первым.

Лейбниц надеется, что в будущем будут составлены и сравнены словари и грамматики всех языков мира [15, с. 342]. Таким образом, он на сто лет опережает возникновение сравнительно-исторического метода в языкознании (начало XIX века) и на двести лет — появление гениальных трудов Альфреда Тромбетти, содержащих сравнительную грамматику и сравнительный словарь большинства языковых семей мира. Лейбниц убежден в существовании в прошлом одного первоначального языка [15, с. 282].

По мнению итальянского ученого Дж. Вико (1668–1744), первые люди общались на языке, который природно, на основе природы вещей, обозначал идеи. При этом Вико ссылается на античных мыслителей — Платона и Ямвлиха [3, с. 158–159].

Ж.-Ж. Руссо считает, что первобытный язык прекратил свое существование вместе с первобытным обществом [26, с. 241]. Древнейший язык человечества, по мнению Руссо, имел черты, которые отличают его от всех других [26, с. 227], что вполне согласуется с современными данными об отличности языковой структуры (типологии) «архиархаических» языков от современных (работы Я. ван Гиннекена, Р. Стопы, А. С. Мельничука и др.).

Э. де Кондильяк (1715–1780) считает, что истоки человеческого языка были природными по материалу, но договорными в пределах этого материала [13, с. 182–185], что согласуется

с современным тезисом об общности законов звукового символизма при наличии частных вариаций по языкам.

И. Г. Гердер (1744–1803) считает, что истоки человеческого языка — в мире животных, и первоначально у человека и животных был общий язык [5, с. 134]. По мнению Гердера, человек сам создал себе язык — из звуков живой природы, осмысленных человеческим умом [5, с. 145]. Первый словарь, по Гердеру, — это совокупность разнообразных природных звуков и звуковых образов [5, с. 146–147]. Идея природного единства человеческих языков тесно связана с идеей единства всего человеческого рода.

В своих взглядах на язык Гердер был предшественником и учителем В. фон Гумбольдта. Идеи первого — итог всех предшествующих философско-естественных концепций языка, его происхождения и развития, идеи второго — синтез философии языка с новорожденным сравнительно-историческим языкознанием.

«Компаративистический романтизм» первой половины XIX века

Сравнительно-историческое языкознание, или лингвистическая компаративистика, сделало эту область знаний точной наукой, позволяющей строить весьма вероятные модели древних языковых эпох.

Гумбольдт призывал устанавливать связи различных языков до тех пор, пока их можно проследить [6, с. 310]. (Напомним, что попытку создать «Сравнительный словарь всех языков и наречий» под руководством Екатерины II предприняла Петербургская Академия наук еще в конце XVIII века.) Гумбольдт считал, что все языки являются формами одного общечеловеческого языка.

Первые классики сравнительно-исторического языкознания — Р. Раск, Ф. Бопп, Я. Гримм, М. Мюллер — были убеждены в общем происхождении всех языков мира.

Период романтического увлечения широкими сравнительными исследованиями языкового материала характеризуется тем, что представители новой науки считали возможным с помощью ее приемов решать вопросы происхождения человеческого языка как такового. Позже многие лингвисты не разделяли их убеждения.

«Компаративистический позитивизм» второй половины XIX века

Когда ряд языков (преимущественно Евразии и Северной Африки) был сгруппирован по группам и семьям, лингвисты начали убеждаться, что устанавливать родство между семьями намного сложнее, чем внутри семей. Это породило значительный скепсис, совпавший со скепсисом в ряде других наук. Исследователи сосредоточились на детализации отдельных вопросов внутри языковых семей.

Показательна позиция А. Шлейхера (середина XIX века), породившего в лице своих учеников целое направление — так называемый младограмматизм. Шлейхер, представляя развитие индоевропейских языков в виде родословного дерева из одного корня, на связи между языковыми семьями смотрел совершенно иначе. Он считал, что каждая семья возникла из отдельного, не связанного с другими праязыка, и связей между праязыками разных семей не существовало.

Ошибка Шлейхера и других сторонников подобной позиции состоит в том, что они не решаются признать: как славянская группа языков является ответвлением большей праиндоевропейской, так индоевропейская семья — более древним ответвлением еще большей группы (именно так позже считал классик индоевропеистики А. Мейе).

«Антикомпаративизм» конца XIX — начала XX века

На волне объективного и субъективного неприятия положений предыдущих концепций на рубеже веков возникло течение, которое отрицало сравнительно-исторический метод и родство языков в принципе. У истоков этой позиции стоял И. Шмидт, предложивший «теорию волн» — модель распространения языковых изменений в виде взаимоперекрещивающихся кру-

гов от камешков, брошенных в воду. Позднее, в XX веке, эта теория нашла развитие в эксцентрической (хотя содержащей ряд ценных наблюдений) концепции плавного перехода от одного языка к другому (в ряду языков соседние взаимно понятны, более отдаленные — нет), которую в разном виде развивали Н. С. Трубецкой, Д. В. Бубрих, С. П. Толстов, Н. А. Бутинов и др.).

Самыми яркими представителями антикомпаративистического направления в языкознании были такие ярчайшие ученые, как Г. Шухардт (1842–1927), И. А. Бодуэн де Куртене (1845–1929) и Н. Я. Марр (1864–1934).

Бодуэн, выступая против общего происхождения языков мира [2, т. 1, с. 209–210; т. 2, с. 89], опирался на отброшенную современной антропологией концепцию множественного, а не единого происхождения современного человечества [2, т. 1, с. 350]. Но в то же время он среди перспектив лингвистики XX века назвал поиск родства между языковыми семьями [2, т. 2, с. 17].

Шухардт рассматривал вопрос о единственном или множественном происхождении языка, или моногенезе / полигенезе, как неразрешимый: по его мнению, нельзя доказать ни того, ни другого [30, с. 73]. Но в то же время ученый говорил, что все языки родственны между собой, хоть и в разной степени [30, с. 141].

Марр, резко критикуя теорию общемирового праязыка, в то же время предпринимал самые широкие сравнения языков разных континентов и предложил теорию небольшого набора первичных корней всех языков мира, которую нередко рассматривают как вариант теории моногенеза.

«Гипотезы отдаленного родства» в лингвистике XX века

В 1901 г. Бодуэн де Куртене среди перспектив лингвистики XX века особо отмечает установление родства между языковыми семьями. В 1903 г. Х. Педерсен делает вывод о родстве индоевропейских языков с уральскими, алтайскими и афразийскими (позже сюда были добавлены дравидийские и картвельские). Языковая макросемья получила название «ностратической» (от латинского *nostra* — «наша»). Детальную разработку ностратической теории и реконструкцию ностратического праязыка осуществил В. М. Иллич-Свитыч (1934–1966). Посмертно был издан его «Опыт сравнения ностратических языков» в трех частях (М., 1971–1984). В области ностратики работают также А. Б. Долгопольский, В. А. Дыбо, В. В. Шеворошкин, В. А. Терентьев и др.

В течение XX века, особенно во второй половине, был выдвинут и в разной степени обоснован еще ряд «гипотез отдаленного родства» языков. Таким образом, несколько сотен языковых семей мира были объединены примерно в 10 макросемей: ностратическую, синокавказскую, негроафриканскую, койсанскую (бушмено-готтентотскую), америндскую, австралийскую, индо-тихоокеанскую и некоторые другие. Особые заслуги в деле поисков межсемейного родства языков принадлежат В. Шмидту, Дж. Гринбергу, С. А. Старостину.

Моногенетическая теория языка в лингвистике XX века

В 1905 г. в Болонье вышла книга А. Тромбетти «Единство происхождения языка», которая представляла собой реферат четырехтомной рукописи. Автор на лексическом и грамматическом материале обосновывал общее происхождение языков мира, демонстрируя звуковую и семантическую близость языкового материала разных континентов. Развитие теории было продолжено в его работах «Элементы языкознания» (Болонья, 1923) и в серии статей, содержащих лексические параллели — слова сходного звучания и значения в языках разных семей. В целом работы А. Тромбетти представляют собой — ни много ни мало — сравнительную грамматику и сравнительный словарь большинства языковых семей мира. Более поздние «гипотезы отдаленного родства», включая и ностратическую, представляют собой отчасти детализацию результатов А. Тромбетти.

М. Сводеш (1909–1967) не только предложил количественный метод оценки близости родства языков и времени разветвления языков (лексикостатистику и глоттохронологию), но и

осуществил сравнение словарного состава многих языковых семей. В результате были установлены отдаленные родственные связи (в частности, многие языковые семьи Евразии и Северной Америки были объединены в «дене-финскую» макросемью, представляющую собой совокупность «ностратической» макросемьи В. М. Иллич-Свитыча и «сино-кавказской» макросемьи С. А. Старостина; разделение евразийского языкового массива на две макросемьи представляется несколько искусственным, свидетельство тому — новейшие исследования родства этих двух макросемей). Работы Сводеша имеют огромное значение для укрепления моногенетической теории происхождения языка, убежденным сторонником которой он был.

Академик Национальной академии наук Украины, член-корреспондент Российской АН (ранее АН СССР) А. С. Мельничук (1921–1997) в поздних работах предложил принципы определения отдаленного родства языковых форм и показал словарную общность большинства языковых семей мира. Он предположил объединение всех ныне известных языков в две макросемьи — ностратическую, включающую все языки мира кроме койсанских, и койсанскую (бушмено-готтентотскую) с более архаической структурой корней [17; 19].

В 1994 г. была защищена кандидатская диссертация Ю. Л. Мосенкиса «Проблема единого происхождения языков в истории языкознания», официальным оппонентом которой выступил академик А. С. Мельничук. В исследовании была рассмотрена история моногенетической теории языка, теоретические основания и принципы реконструкции общемирового праязыка и предложен ряд не исследованных ранее корней, общих для многих языковых семей.

Нынешним исследователям проблемы языкового моногенеза следует сосредоточиться прежде всего на поиске ранее не выявленных словарных общностей, объединяющих языковые семьи разных континентов.

Общность словаря как главное свидетельство существования общемирового праязыка

Главным аргументом в пользу существования в прошлом общего предка языков мира является наличие общих словарных элементов в языках разных семей. Выделенный путем сравнения общий словарь соответствует современным представлениям о культуре древнекаменного века.

Рассмотрим для примера ряд обозначений важных понятий (транскрипция по техническим причинам подается в упрощенном виде, звездочками по традиции обозначены реконструированные праформы).

Водный путь (ср. мнение о древнем предпочтении водных путей сухопутным [21, с. 183; 24, с. 378]): герм. *Gang* «путь» (индоевроп.), бурушаски *gan* «путь», правосточнокавк. **xän?i* «вода», санскр. (субстратн.) *ganga* «река», праенисейск. **Kang* «река» и кетск. *kang* «дорога», кит. *kiang* «река» (кор. *kang*), праавстронез. *gan* «река», догреч. *okeanos* (по Диодору Сицилийскому, от *okeamos*), *ogennos*, *ogenos*, *ogen* «океан», араб. *kamus* «океан», празападнокавк. **hama* «вода», финск. *кути* «река, течение», готтент. нама *gams* «вода», майя *асаан*, *асап* «стоячая вода, спокойное море» и др.

Средство передвижения: нем. *Kahn* «лодка» (субстратн.), тюрк. *kämä* «лодка», баск. *untzi* «судно, корабль», абх. *анышь* «лодка» (при наличии исконного абхазского древнего мореплавания), афразийск. **'unw-(at)-* «лодка», кит. диалектн. *сун*, *сунг* «лодка», среднекит. *ghang* «большая лодка», индонез. (о-в Сиберут ок. Суматры) *kanul* «деревянная лодка», америнд. аравакск. *капоа* «лодка, каноэ», майя *шет* «лодка», с обратным порядком согласных — индоевроп. **naHu-* «лодка» (с бушмено-готтентотской параллелью [16, с. 309]).

Волк, собака: праностратич. **K'ujna* «волк, собака», древнекит. *khwien* «собака», бушмен. *koin* «собака».

Вероятный тотем носителей общечеловеческого праязыка (ср. мнение о генетическом страхе приматов перед змеями): *уж*, *угорь*, латин. *anguis*, *anguilla* < праиндоевроп. **ng^whi*, япон. *унанги*, *онаги*, рюкю *птази* «угорь», празападнокавк. **n(y)iči* «вид змеи», праенисейск. **?ŋgKoj* «змея», айн. *инока* «змея», маори *ноке* «червяк», суахили *пуока* «змея», майя *пок*

«червяк» и др., также древнетюрк. *nek* «крокодил», среднекит. *ngak* «крокодил», с обратным порядком согласных — северобушмен. /*ka*m/, южнобушмен. /*k'an*/, майя *can* «змея».

Другое имя того же существа (пример фонетически сложного корня): праслав. **motylъ* / **metylъ* «червяк, жук, бабочка», укр. *металец* «сказочный змей», картвельск. **matl-* «червь» (праностратич. **m/ɬ/* «червь» — № 312 у В. М. Иллич-Свитыча), прадравид. **motalay* «крокодил» [9, с. 65], папуасск. *motalai* «гигантский змей» [25, с. 39], в австрал. языках *mata* «змея» [31, р. 585].

Части тела: праностратич. **l/a/K'a* «нога (сгус)», общеадыгск. *лъакъуэ* «нога», табасаранск. *лик*, агульск. *лък* «нога», тасманийск. *lugh* «нога», также индонез. (яванск.) *lacak* «след», майя *lukul* «идти» (сюда же, видимо, баск. *lag-* «друг», пранахскодагест. **laGV* «раб», шумерск. *lagar* «слуга», древнекит. *lek* «раб», австронез. *lak* «мужчина» — о материале в скобках см. [29; 10, с. 101], ср. еще венг. *legeny* «парень» без этимологии, алеут. *илах* «друг», майя *alak* «спутник»).

Функции интеллекта: праностратич. **kEN/* «знать», древнекит. *kien* «видеть», по С. А. Старостину родств. тибет. *mkhjen* «знать, понимать», бурушаски *henas* «знать», бушменск. *≠ena*, *≠an* «знать» (последние примеры, возможно, свидетельствуют о включенности кликсов в корень).

«Грамматические слова», напр., баск. *ni*, нивх. *ni*, общеамеринд. **ni*, тибет., бирм. *nga*, кхаси *nga*, шумерск. (eme. KU) *ngae*, общеавстрал. **nga* и др. «я»;

Праностратич. **mä* «запретит. частица», хаттск. *ta* «не», восточнокавказск. *ta* «не», древнекит. *ta* «не» (соответствия в других кит.-тиб.), папуасск. вахги *ta* «нет», америнд. аравак. *ta* «нет», майя *ta* «нет, не» и др.

Значительная сохранность корней «базисной лексики» (ср., например, праностратические и праавстралийские реконструкции и современные языки) позволяет сравнивать не только праформы праязыков, но и более поздние данные.

Для демонстрации межконтинентальных параллелей показательны параллели праностратического и старого майя (интересны совпадения не только консонантизма, но и вокализма):

- ностр. **baH/* «привязывать» — майя *bak* «обвязывать» (также среднекит. *bwak* «связывать»),
 nostr. **baga* «достаточно, чрезмерно» — майя *bakach* «все», *bakal* «много»,
 nostr. **kül'ʌ* «мерзнуть, холод» — майя *ceel, cel* «холод, холодный» (ср. Чили «холод»),
 nostr. **kojHa* «шкура, кора» — майя *soo, so* «кора»,
 nostr. **kal'ʌ* «обдирать кору, шкуру» — майя *zool, zol* «кора»,
 nostr. **kolʌ* «обдирать» — майя *col* «лишать, забирать»,
 nostr. **Lop^c/* «ободранная кора» — майя *lep* «обдирать (ногтями)»,
 nostr. **Hal/* «передний край» — майя *hal* «край»,
 nostr. **HoK'i* «острие» — майя *hokob* «крюк»,
 nostr. **?atu* «утро, дневной свет» — майя *hamal* «блестеть»,
 nostr. **jam/* «вода» — майя *uaam* «волна»,
 nostr. **kal/* «рыба» — майя *cau* «рыба»,
 nostr. **lonK'a* «гнуть» — майя *lon* «становиться на колени»,
 nostr. **m/ɬ/* «червяк» — майя *metaan* «свернутый спиралью»,
 nostr. **najju* «наклоняться» — майя *paual* «наклоняться»,
 nostr. **?a* «тот» — майя *he* «этот», «тот»,
 nostr. **küla* «озеро» — майя *akal* «болото», «пруд»,
 nostr. **mAL/* «гора» — майя *mul, muul* «холм»,
 nostr. **pal/* «болото» — майя *paу* «низкий морской берег»,
 nostr. **q'ur/* «острие, резать» — майя *culum-culum* «шило, резак»,
 nostr. **k'ad/* «сплестать (из прутьев)» — майя *kaatal* «перекрещиваться».

Таким образом, проблема общего происхождения (моногогенезиса) языков мира, реконструкция общемирового праязыка на основе общих словарных элементов разных языковых семей заслуживает пристального внимания современной лингвистики.

В следующих публикациях предполагается осветить теоретические основания и принципы реконструкции праязыка первых людей современного вида, словарь, звуковые и грамматические особенности праязыка, культуру его носителей по языковым данным, разветвление праязыка в соответствии с распространением его носителей.

Литература

1. Антология мировой философии. — М., 1969. — Т. 1.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Избранные труды по языкознанию. — М., 1963. — Т. 1–2.
3. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. — Л., 1940.
4. Гамзатов Р. Мой Дагестан. — М., 1972.
5. Гердер И. Г. Избранные сочинения. — М.; Л., 1959.
6. Гумбольдт В. фон. — Избранные труды по языкознанию. — М., 1984.
7. Донских О. А. К истокам языка. — Новосибирск, 1988.
8. Древнекитайская философия. — М., 1973. — Т. 2.
9. Древний Восток: этнокультурные связи. — М., 1988.
10. Древняя Анатолия. — М., 1985.
11. История лингвистических учений: Древний мир. — Л., 1980.
12. История лингвистических учений: Средневековая Европа. — Л., 1985.
13. Кондильяк Э. Б. де. Сочинения. — М., 1980. — Т. 1.
14. Крамер С. Н. История начинается в Шумере. — М., 1965.
15. Лейбниц Г. В. Сочинения. — М., 1983. — Т. 2.
16. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
17. Мельничук А. С. О всеобщем родстве языков мира // Вопросы языкознания. — 1991. — № 2–3.
18. Мельничук О. С. Походження мови у висвітленні класиків марксизму-ленінізму. — К., 1952.
19. Мельничук О. С., Коломієць В. Т. Глибинні етимологічні зв'язки в лексиці слов'янських мов // Слов'янське мовознавство: Доповіді на XI Міжнародному з'їзді славістів. — К., 1993.
20. Никольский В. К. Почему люди говорят на разных языках. — Сталинград, 1947.
21. Общее и индоевропейское языкознание. — М., 1956.
22. Платон. Сочинения. — М., 1968. — Т. 1.
23. Погродин А. Л. Язык как творчество. Происхождение языка. — Х., 1913.
24. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. — М., 1974.
25. Путилов Б. Н. Миф — обряд — песня Новой Гвинеи. — М., 1980.
26. Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения. — М., 1961. — Т. 1.
27. Фолсом Ф. Книга о языке. — М., 1977.
28. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. — М., 1985.
29. Чирикба В. А. Общекавказское lag / lagh «раб», «мужчина» // Известия АН Грузинской ССР. Серия языка и литературы. — Тбилиси, 1980. — № 2.
30. Шухардт Г. Избранные статьи по языкознанию. — М., 1950.
31. Trombetti A. Elementi di glottologia. — Bologna, 1923.

Об авторе:

МОСЕНКИС Юрий Леонидович — доктор филологических наук, профессор Национального университета «Киево-Могилянская академия», исследователь проблем общего происхождения языков мира, древних письменностей и языков неизвестного происхождения (пиктского, этрусского, шумерского, айнского и др.), мифологического мышления.

E-mail: trypillia@narod.ru

Сайт: www.trypillia.narod.ru